

Жители Логе не осмеливались соваться в запретные земли, и хотя короли соседних государств относились к слухам с недоверием, унижительное поражение, которое потерпело королевство Лора, было у всех на виду. Та самая легендарная Лесная чаща Демонов в конце концов затихла, и лишь в пересказах искателей приключений превратилась в нечто, о чём слагали баллады поэты и сказители — пером или с языка.

Одни говорили, что там находится врата в преисподнюю, другие — что лес охраняет дух первого правителя Логе, и всякий, кто ступит туда без спросу, обречёт себя на смерть. Третьи и вовсе утверждали, что под защитой того монарха находится сам город Логе, ведь чаща подступала к нему вплотную, однако чудовища, обитавшие в ней, ни разу не переступили городской черты.

Поговаривали даже, что однажды жители Логе видели в небе дракона, но исполин, подобный холму, был поглощён лесом и больше не выходил оттуда, а значит, не смог взять город штурмом.

И всё же подобные толкования казались натянутыми, ибо, когда в Логе вспыхивала смута, дух того самого правителя не являлся, чтобы даровать защиту, — он позволял городу сотрясаться в междоусобицах, а власти — переходить из рук в руки.

Логе вошло в состав королевства Ори, и мало-помалу, по мере того как вырастало новое поколение и жизнь входила в свою колею, многие события перестали тревожить людскую память. Лишь Лесная чаща Демонов по-прежнему служила предостережением для тех, кто пытался проникнуть в её глубины.

...

«Вот бы и мне обрести бессмертную душу, как у людей...»

В шестидесятый год своего затворничества в тех лесах Сюй Юань услышал этот шепот — нежный, точно дымка над морем, сотканная из тумана.

«Хозяин, примешь желание?» — восторженно спросила ленивая кошка, наострив уши.

«Принимаю». — Сюй Юань дал утвердительный ответ, переоделся, надел шляпу, пристегнул меч и покинул чащу, где терновник медленно расступался перед ним.

Чудовища пытались взреветь и наброситься, но даже их голоса, казалось, увязали в незримой преграде. Им оставалось лишь провожать взглядом фигуру, так долго обитавшую здесь, — она уходила прочь, оставляя за спиной лишь громадного, полусонного дракона и уже порядком обветшавшую усадьбу.

Лесная чаща Демонов лишилась одного из своих хозяев, а Логе — всё такой же многолюдный,

хоть и сменивший правителя — встречал нынче гостя, одетого просто и неброско, но поразительно красивого.

Взоры тянулись к нему следом. Одни восхищались его наружностью, другие оценивали дороговизну украшений и, заключив, что перед ними, скорее всего, небогатый малый, с равнодушием отводили глаза.

В самом деле, состоятельный человек не стал бы носить одежду с меховой оторочкой и таскать при себе меч, на котором почти не осталось узора.

«О, думаю, знатым дамам придётся по вкусу его лицо».

«Он и впрямь до того хорош, что мог бы стать одним из любовников какой-нибудь госпожи и щеголять в дорогих нарядах».

Прохожие судачили о том, но никто не заметил, как молодой человек чуть приподнял край шляпы, и на губах его мелькнула лёгкая усмешка.

«Хозяин, остерегайся участи красивых мужчин». — Маленькая кошка, устроившаяся у него на плече, настороженно повела ухом.

В этом городе с тех пор, как здесь поселилась знать, всё переменялось до неузнаваемости. Логе был уже не тем грязным, необустроенным городком, каким помнился раньше, — теперь он скорее походил на прежний Тансан.

«Хорошо». — Сюй Юань ответил негромко.

Конечно, в этом городе для приезжих всё стоило втридорога, но его это заботило мало.

Потому что он не собирался здесь задерживаться — ему предстояло сесть на корабль и отправиться на Южный берег.

Сюжетная ветвь русалочки разворачивалась не здесь. Всё начиналось в океане: прекрасная русалка спасла тонущего принца, обменяла свой дивный голос на ноги, чтобы ступить на сушу, и пыталась завоевать любовь принца, дабы обрести бессмертную душу. Однако принц принял за свою спасительницу другую и женился на ней, а русалочка в первое же утро после свадьбы обратилась в морскую пену.

Будучи человеком, Сюй Юань не мог опуститься на дно морское, в чертоги русалок, — значит, оставалось лишь попасть в то самое место, куда русалочка доставила принца, когда вынесла его на берег.

То был знаменитый храм в далёких краях, куда знатные семьи отправляли своих отпрысков обучаться этикету. Там высились синие горы, покрытые снежными шапками, а по побережью росли пальмы, лимонные и апельсиновые деревья.

Имея столь подробные приметы, нетрудно было понять, где именно это находится.

Отсюда до города Канна было очень далеко — сначала через Исидар, затем через пролив, и морем путь занимал едва ли не две недели.

Но раз место назначения было известно, исполнение желания не казалось невозможным.

«Как вовремя вы подоспели, сейчас отчаливаем!» — обветренный, загорелый дочерна матрос, получив три серебряные монеты за проезд, радушно оскалил белые зубы и провёл его на борт.

Корабль, вмещавший четыре-пять сотен человек, был, естественно, полон народу. Пассажиры оживлённо обсуждали путешествие, с подозрением косились на попутчиков, толпились в углах палубы или оглядывались по сторонам.

«Эй, я первый здесь занял место».

«Не подходи к моему товару, нищеврод».

«Присмотрите за моими вещами, я плачу вам не за красивые глаза».

«Ах! И зачем только на корабль пустили кошку? Эта нечистая тварь не навлечёт ли на судно проклятие и не потопит ли нас?»

«Они мышей ловят. Если желаете спать с мышами, я могу выбросить её за борт». — Матрос ответил с ленивым равнодушием.

Корабль мало чем отличался от города. Разница лишь в том, что, когда судно выходит в море, оно становится миром, отрезанным от всей земли, а жизни всех, кто на нём находится, всецело зависят от капитана и матросов.

Даже заплатив за проезд, пассажиры не торопились вступать с ними в ссору.

«Вот ваша каюта». — Матрос, приведший его на борт, открыл дверцу узкого, тесного помещения с единственным квадратным окошком.

«Благодарю». — Сюй Юань окинул взглядом каюту, пошарил в кошельке, достал десять медяков и протянул матросу с улыбкой: «Угоститесь вином».

Матрос принял монеты, рассеянно подкинул их на ладони и, развернувшись, ушёл. Суй Юань же под небрежными взглядами пассажиров скользнул в каюту и притворил за собой деревянную дверцу.

«О, ещё один красавчик, но без гроша за душой», — прозвучало из толпы, и взгляды, с тем же равнодушием, отвернулись.

«Будь он любовником у какой-нибудь знатной особы, жилось бы ему куда лучше», — добавил чей-то голос.

Взоры, привлечённые необыкновенной внешностью путника, рассеялись, едва за ним закрылась дверца, и вскоре о нём позабыли. В море важны лишь еда и деньги — красота не делает плавание уютнее.

«Если бы они знали, кто ты на самом деле, они бы умерли от страха!» — маленькая кошка легко вспрыгнула на подоконник, подставляя мордочку солёному ветру.

«И правда, страшно представить». — Суй Юань развязал дорожный мешок, достал тёплый войлок, постлал его на дощатый настил и, усевшись, усмехнулся: «В море полно кораблей-призраков».

Появиться перед людьми, которые уже давно считают тебя мёртвым, — верный способ прослыть привидением.

Услышав его слова, кошка, до того щурившаяся на ветру, медленно, словно по шестерёнкам, повернула голову, и шерсть у неё встала дыбом: «На кораблях-призраках много призраков?!»

Суй Юань опустил глаза на кошку, смотревшую на него в упор, и негромко ответил: «Много, иначе зачем бы их называть кораблями-призраками?»

Едва он договорил, кошка, сидевшая на подоконнике, исчезла в мгновение ока, а из глубин системного пространства донёсся тоненький голосок: «Я спрячусь здесь, и они меня не найдут!»

«А как же я?» — Суй Юань глянул на искрящуюся гладь моря и рассмеялся.

Система на миг замялась, обдумывая выход, а затем высунула голову наружу: «Хозяин, ты тоже боишься призраков?»

Суй Юань посмотрел на торчащую из пустоты кошачью голову и улыбнулся: «Нет. Я больше боюсь парящих кошачьих голов».

Кошка растерялась, наострила уши и принялась кружить вокруг него, не вылезая из пространства целиком.

Не боишься призраков, а спрашиваешь у системы, как быть? Вот и получай!

Жаль только, что никто из посторонних этого не видит — система глубоко сожалела об этом.

«Призрак». — Сюй Юань, глядя на пролетающую за окном чайку, усмехнулся.

Парящая рядом кошачья голова мгновенно ошетичилась и в следующий миг юркнула обратно в системное пространство: «Где?! Где?! Где?!»

«За окном». — Сюй Юань ответил с улыбкой.

Чайка взмывала в небеса, корабль отчаливал, и качка то опускала, то поднимала судно. Берег исчезал вдаль, и прежде синеватая вода становилась всё глубже и темнее.

«Он всё ещё там?!» — донёсся голос кошки.

«Всё ещё там», — улыбнулся Сюй Юань.

Волны колыхались, и этот вопрос сопровождал их всю дорогу.

«Он ещё не ушёл?!»

«Ещё нет».

«Почему он здесь поселился?»

«Может быть, он умер прямо на этом корабле». — В мягком голосе прозвучало такое объяснение, и тонкий голосок системы мгновенно стих.

Плавание для Сюй Юаня проходило гладко: каждый день он перекусывал сухарями да запивал водой из бурдюка.

Однако на корабле жизнь кипела иная. Помимо скота, что везли на палубе, время от времени пропадали люди: то кто-то с кем-то подерётся, то случится кража, — но независимо от причины, всё списывали на несчастный случай и падение за борт.

А для тонущего, будь он жив или мёртв, в бескрайнем океане итог был один и тот же.

Но даже несмотря на передряги, плавание по морю было дивно красивым. Небо сияло лазурью, и хотя ветер доносил солоноватый запах рыбы, порой из воды выпрыгивали рыбёшки, и зрелище это скрашивало однообразие долгой дороги.

Корабль причалил к Исидару. Сюй Юань сошёл на берег, пополнил припасы, чтобы пересесть на другое судно, — и тут его догнала наконец очнувшаяся и надутая кошка: «Хозяин, ты меня обманул! Никаких призраков нет!»

«Ты их не видела — откуда тебе знать, что их нет?» — Сюй Юань тихо рассмеялся в ответ.

Кошка, которая и не думала смотреть в сторону призраков, возмутилась: «Но почему же они никому не вредят?»

«А почему они должны вредить?» — парировал Сюй Юань. — «Нельзя оскорблять призраков понапрасну — они тоже могут обидеться».

Кошка замялась, погрузившись в сомнения и даже в чувство вины.

Но извиняться было не перед кем, а даже если бы и был кто — подойти к нему она бы всё равно не решилась.

...

Город Канна, раскинувшийся у подножия заснеженных гор, был многолюдным и богатым. Процветал он не только из-за оживлённой морской торговли, но и оттого, что монастырей и церквей здесь было больше, чем постоянных дворов.

Самой величественной из всех была та, что стояла на самом берегу, — высокий белый храм, окружённый пальмами и апельсиновыми деревьями.

Берег тянулся вдоль моря, и отвесные скалы служили естественной преградой, превращая белоснежное святилище в тихое, уединённое место. Даже без стражи обойти его с суши было почти невозможно, а с моря — нечего и думать: волны не подпускали, а гладкие утёсы не давали зацепиться.

Сюй Юань поднял голову, вглядываясь в храм, что белел за скалами, и, обернувшись, увидел, как маленькая кошка оставляет на золотистом песке цепочку отпечатков — словно цветы сливы. Песок здесь был тоньше, чем в Логе, и следы почти сразу исчезали, но это, похоже, очень нравилось кошке.

«Мяу, нам придётся поселиться здесь на некоторое время», — сказал Сюй Юань, глядя, как волна за волной накатывают на берег.

«Хорошо!» — кошка, которую уже тошнило от долгого плавания, но которая всем сердцем любила море, запрыгала по песку: «Хозяин будет жить в городе?»

«Нет», — ответил Сюй Юань.

Кошка удивлённо наклонила голову.

В Канне царил благочестивый дух; в дни поста здесь не ели мяса, но рыба мясом не считалась.

Взяв длинное, гладко обструганное удище, оснастив его колёсиком и леской, прихватив корзину для рыбы и большой зонт из просмоленной ткани, Сюй Юань нашёл на высокой скале, нависавшей над тихой бухтой, удобное место — тихое и надёжное для рыбалки.

Волны тихо плескались, покачивая наживку, которая вместе с ними мерно поднималась и опускалась. Если правильно выбрать место и прикормить, рыбалка сама по себе становится нехитрым делом.

Сюй Юань просидел полдня, и корзина, что была размером с руку, уже наполнилась рыбой — всякой, жирной и крупной.

Хотя в этом городе морепродуктов было вдоволь, благочестивые прихожане охотно покупали рыбу — сбыт был обеспечен.

Перед закатом Сюй Юань прикупил зерна, оставил себе одну рыбину и поселился в хижине у самого берега, которую приобрёл всего за несколько десятков медяков.

Он развёл костёр — тот сразу рассеял сырой холод, что тянул от моря. Рыбу выпотрошили, приправили пряностями, и запах, разносившийся по пустынному берегу, был до того аппетитным, что слюнки текли у всякого, кто его чуял.

Система, хоть и перепробовала за свою жизнь множество изысканных яств, не могла устоять перед жареной рыбой — такой пряной, сочной, с хрустящей корочкой. Она сидела, не сводя глаз с огня, и во рту у неё уже набиралась слюна.

Сюй Юань поворачивал ветку над пламенем, слой за слоем добавляя приправы, и, глянув на цвет, отломил половину рыбины и протянул кошке. Та — меньше самой рыбы — тут же вцепилась в угощение и даже головы не поднимала.

Громкое, довольное урчание разносилось по хижине, перекрывая даже вой ветра за стенами. Сюй Юань ел своими палочками, аккуратно вынимая крупные кости и запивая хлебом.

И вкус был действительно хорош. Помимо пряностей, свежепойманная морская рыба сама по

себе была нежнейшей и сочнейшей — откусишь, и во рту тает.

В маленькой, но опрятной хижине на время воцарилась тишина, прерываемая лишь треском дров и звуками еды. Но аромат, что струился из очага, не могла удержать ни одна стена.

Ветер завывал, тёмные воды вздымались и опадали, и никто не заметил, как в море раздался тихий всплеск, будто упал камень.

«Хозяин, ты теперь будешь рыбаком?» — спросила кошка, слизав с лапок последние остатки рыбы и принявшись умываться.

«Да, рыбаком быть очень даже занятно», — Сюй Юань отщипнул ещё кусочек и улыбнулся.

Кошка знала, что её хозяин любит рыбалку ещё с прежних времён. Разница лишь в том, что раньше он ловил и отпускал, а теперь ловил и продавал.

«Но это не очень выгодно», — заметила кошка, поправляя усы.

Раньше её хозяин зарабатывал тысячи золотых в день!

«Зато рыбак может есть такую рыбу каждый день», — с улыбкой ответил Сюй Юань.

В тот же миг мимо него мелькнула белая тень, и маленькая кошка вцепилась ему в ногу.

«Хозяин, будь рыбаком!» — она задрала голову и, казалось, готова была поднять вверх все четыре лапы и оба уха в знак одобрения.

Хозяин не привередлив, а значит, не станет готовить изыски — а овощи и фрукты, при всей их полезности, не идут ни в какое сравнение с жареной рыбой!

«Ну ладно», — усмехнулся Сюй Юань.

«Ур-ра!» — кошка наострила уши и радостно вскрикнула.

...

Для Сюй Юаня рыбалка была отдыхом. Никаких забот, никаких хлопот: закинул удочку — сиди, вытащил — иди домой. С полной или полупустой корзиной он шёл на рынок, продавал улов, и даже если ему недосчитывали пару медяков, это не имело значения — на пропитание на день всегда хватало.

Но и у рыбаков случались свои неурядицы. На четвёртый день, когда Сюй Юань, как обычно, пришёл на свой излюбленный утёс с полной корзиной, он обнаружил, что на его месте уже расселись несколько рыбаков с сетями.

И даже завидев его, они не собирались уступить, а лишь самодовольно забрасывали снасти.

«Хозяин, они заняли твоё место!» — маленькая кошка отлично знала, как важно для рыбака найти хорошую точку.

«Кто первый встал, того и место», — улыбнулся Сюй Юань и перебрался на другой утёс, где и разложил свой зонт.

Он снова прикормил рыбу в новом месте и снова вернулся с полной корзиной. А те несколько рыбаков, что остались на прежнем утёсе, выловили лишь жалкие остатки.

«Этот парень, видать, приезжий».

«В Канну каждый день приезжают сотни чужаков, но в основном паломники. А этот...»

«Может, надеется, что его заметит с корабля какая-нибудь знатная госпожа?»

«Ха-ха-ха-ха!» — рыбаки дружно расхохотались.

«А давайте завтра так...» — один из них, хитро прищурившись, подозвал остальных и что-то зашептал им на ухо.

Глаза у слушателей загорелись.

На следующий день Сюй Юань снова пришёл на берег. На втором его излюбленном месте уже кто-то сидел, а когда он стал искать новое и прикармливать, рядом с ним тут же встали люди и принялись закидывать сети — некоторые даже небрежно, прямо поверх его прикормки.

Сюй Юань так и не закинул удочку. Маленькая кошка, застывшая от подобной наглости, даже бегать по песку расхотела: «Хозяин, у них нет стыда!»

Шерсть у неё слегка вздыбилась, когда она нашла наконец нужное слово.

Сюй Юань только рассмеялся, погладил кошку, что примостилась у коробки с наживкой, и, оглянувшись на рыбака, который с хмурым видом вытаскивал почти пустую сеть, произнёс:

«Подождите немного после того, как закормите место, — тогда и сеть закидывать лучше».

Рыбак, нахмурившись, смотрел на свой улов. Услышав голос человека, сидящего под зонтом, он удивлённо замер, обернулся — и встретил взгляд чужака, в котором не было ни злости, ни досады. От этой доброй улыбки у него на душе сделалось как-то беспокойно; он не находил слов, но любопытство взяло верх: «Почему?»

«Прикормка должна поработать, чтобы привлечь рыбу. Нужно подождать». — Сюй Юань посмотрел на босого, голого по пояс рыбака и улыбнулся: «Не хотите присесть на минутку?»

Его приветливость была так искренна, что даже рыбак с сетью застыл в изумлении, а те, кто пытался перехватить место, тоже с недоумением воззрились на него.

Кто-то с досадой свернул удочку — рыба не клевала, — кто-то вытащил сеть.

«Ну... ладно». — Рыбак, чувствуя себя неловко, опустил в тень зонта и принял из рук незнакомца кружку пива.

А где пиво, там и разговор завязывается легче.

«О, отличный напиток. Вы, судя по всему, издалека? Зачем же вы решили поселиться в Канне?» — рыбак уселся по-турецки прямо на утёс и развязал беседу.

«Я пришёл на поклонение и хочу накопить денег на обратную дорогу». — Сюй Юань улыбнулся.

Услышав такое, рыбакам стало даже стыдно за своё поведение.

«Вы отлично ловите», — один из них кашлянул и похвалил его.

«Рыбалка ведь зависит от погоды и удачи», — заметил другой. — «Прокормиться одним этим и скопить на дорогу домой — нелегко».

«По дороге сюда на вас тоже напали разбойники? Говорят, даже самый богатый путник может добраться сюда нищим», — вставил третий. — «А вы, судя по виду, не бедствуете».

«Это Бог наградил меня приятной внешностью». — Сюй Юань вздохнул. — «Я долго копил на это путешествие, хоть и миновал разбойников, но шёл сюда очень долго».

«Правду сказать, с такой внешностью вы могли бы стать любовником у какой-нибудь знатной дамы — заработали бы куда больше», — сказал один из рыбаков совершенно серьёзно, ничуть не считая это постыдным.

«О, моя душа и тело принадлежат лишь Господу, никому другому я их не отдам». — Сюй Юань вновь вздохнул.

Сам он был неверующим, но в мире, где девяносто девять человек из ста были верующими, заявить о своём безверии означало прослыть еретиком и угодить на виселицу.

«Вот истинно благочестивый человек», — проникновенно сказал рыбак рядом, нисколько не усомнившись в его словах.

И в самом деле, кто бы ещё добрался до Канны, если не одержимый верой? Одни — без гроша в кармане, другие — растратив всё состояние, лишь бы ступить на эту землю. Что уж тут удивительного, что среди них объявился ещё один красавец.

«Можно закидывать». — Сюй Юань прикинул время, насадил наживку и опустил удочку.

Остальные рыбаки последовали его примеру, но те, кто хотел забрасывать сети, отошли чуть дальше, туда, где не мешали удильщикам.

Рыба на прикормленном месте шла одна за другой, даже на зерновую насадку клёв был отличный.

Все вернулись с богатым уловом, и эту картину видели в городе многие.

«На западном побережье Канны всё спокойно?» — спросил кто-то.

«Думаю, да. Если бы не темнело, я бы и одной корзиной не ограничился», — ответил рыбак с корзиной, полной рыбы, и улыбнулся расслабленно, довольно.

«Вот и отлично!»

«А чужака того не прогнали?»

«Он просто хочет накопить на дорогу домой. Мы, жители Канны, не станем обижать таких людей», — отвечали рыбаки.

Когда речь идёт о борьбе за место, конкуренция неизбежна, но, когда перед тобой паломник, который мечтает вернуться домой, — это совсем иное дело.

Даже на следующий день на берегу рыбаков стало ещё больше, некоторые поставили прямо у воды свои лодки и закидывали сети, но никто уже не пытался специально мешать Сюй Юаню или теснить его.

«На морской рыбалке лучше всего прикармливать креветками; если их нет, подойдут и выброшенные ракушки или мелко нарезанный краб», — делился Сюй Юань опытом с собравшимися рыбаками.

Кое-кто и так это знал, но не каждый был готов выкладывать все свои секреты. А такие советы слушали с большим вниманием.

И всего через несколько дней рыбак по имени Бранд — так все звали чужака — стал для западного побережья символом набожности и доброты.

«Кенни, а что это за храм?» — спросил Сюй Юань, опершись на удище и взглянув на молодого рыбака, сидящего рядом.

Теперь рыбаки не толпились, но на хороших местах собиралось по несколько человек, чтобы скоротать время за разговором.

«Вы про тот белый храм? — Кенни глянул на белоснежное здание за скалистым мысом, и голос его зазвенел от гордости и возбуждения. — Говорят, там обучают знатных особ королевскому этикету и добродетели. И даже принцессы из других стран приезжают сюда за воспитанием».

<http://bllate.org/book/18299/1988417>